

Академик Олег Фиговский
Есть ли свет в конце туннеля?
(этюд о науке и менталитете в России)

Развитие науки в стране определяет ее будущее и, прежде всего, уровень технологической модернизации.

Согласно только что опубликованному прогнозу Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (см. рис.1), расходы КНР на научные исследования в 2017 году достигнут \$400 млрд, а к 2019 году превысят аналогичные расходы США. Южная Корея стала в 2012 году мировым лидером по доле ВВП, расходуемой на исследования и разработки (4,36%), потеснив с первого места Израиль (3,93%). В то же время в среднем в странах ОЭСР эта доля находится на уровне 2,4%.

В целом, Китай и Корея стали теперь двумя основными странами, куда направляются научные авторы из США. За период с 1996-го по 2011 год там, в результате, произошла своеобразная «притечка мозгов», в отличие от «утечки мозгов», наблюдаемой во многих других странах.

China poised to outpace the US in R&D spending around 2019
GERD, millions of 2005 USD PPP, 2000-12 and projections to 2024

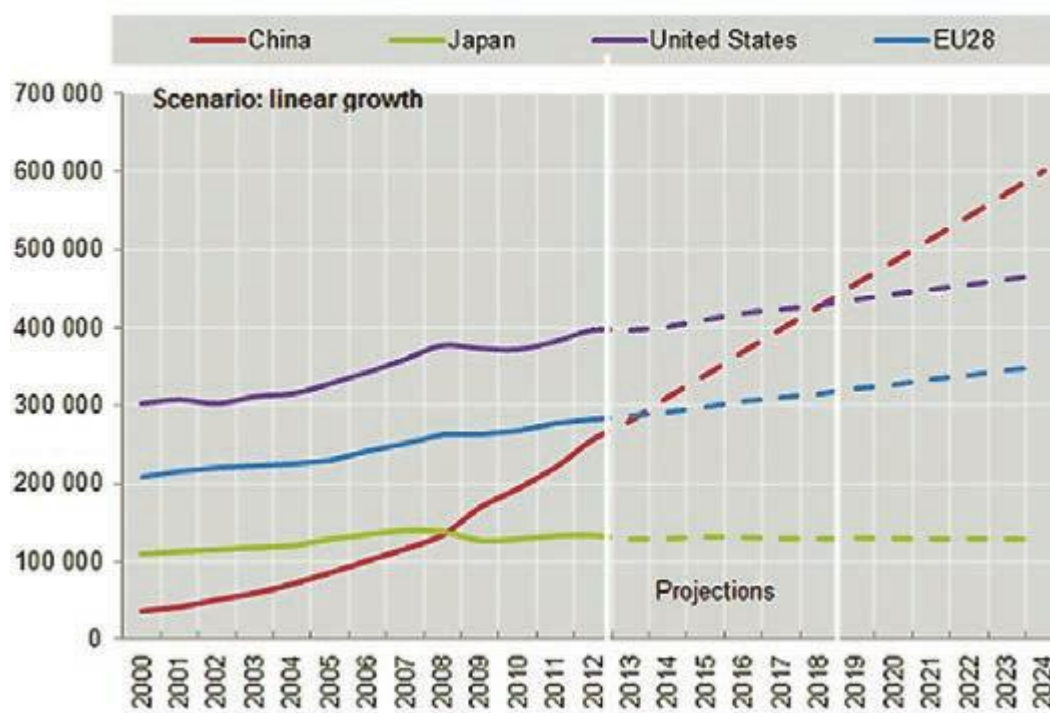

Рис.1

Интересные, хотя и не бесспорные, мысли об особенностях России высказывает Людвиг фон Мизес, который считает, что с того момента, когда Россия начала влиять на европейскую политику, она постоянно ведет себя как разбойник, поджидающий в засаде момента, когда он сможет наброситься на свою жертву и ограбить ее. Никогда русские цари не признавали никаких других ограничений для расширения своей империи, кроме продиктованных силой обстоятельств. Позиция большевиков в отношении территориального расширения своего господства не отличается ни на йоту. Они также признают только одно правило: при завоевании новых земель можно, а на самом деле нужно, идти так далеко, насколько отваживаешься, учитывая свои ресурсы. Счастливым обстоятельством, спасшим цивилизацию от уничтожения русскими, было то, что народы Европы оказались достаточно сильны, чтобы успешно отразить нападение орд русских варваров. Опыт, приобретенный русскими в наполеоновских войнах, крымской войне и турецкой кампании 1877-1878 гг., показал им, что, несмотря

на огромную численность солдат, их армия не способна предпринять атаку на Европу. Мировая война просто подтвердила это.

Оружие разума опаснее штыков и пушек, разумеется, отклик, который идеи русских нашли в Европе, объясняется прежде всего тем, что Европа сама была полна этими идеями до того, как они пришли из России. На самом деле точнее было бы сказать, что сами эти идеи по происхождению не были русскими, как бы ни соответствовали они характеру русского народа, а были заимствованы русскими в Европе. Интеллектуальное бесплодие русских так велико, что они никогда не смогли бы сами найти выражение собственной глубинной природы.

Далее Людвиг фон Мизес продолжает: «Либерализм, который полностью основан на науке и политика которого представляет не что иное, как применение результатов науки, должен остерегаться высказывания ненаучных ценностных суждений. Ценностные суждения стоят вне науки и всегда являются чисто субъективными. Поэтому нельзя говорить о нациях как о более или менее достойных. Следовательно, вопрос о том, являются ли русские менее достойными или нет, лежит за пределами нашего обсуждения. Мы вовсе этого не утверждаем. Мы говорим только о том, что они не желают входить в систему человеческого общественного сотрудничества. В отношении человеческого общества и сообщества наций их позиция – это позиция народа, стремящегося к потреблению того, что накоплено другими. Люди, жизненными силами которых являются идеи Достоевского, Толстого и Ленина, не могут создать прочную социальную организацию. Они должны скатиться к условиям полного варварства. По сравнению с США природа более щедро одарила Россию и плодородием земли и разнообразными полезными ископаемыми. Если бы русские следовали такой же капиталистической политике, как американцы, то сегодня они были бы самыми богатыми людьми в мире. Деспотизм, империализм и большевизм сделали их самыми бедными. Сегодня они ищут капиталы и кредиты по всему миру».

«Следует ли русским от казаться от советской системы – решать им самим в своем кругу. Страна кнута и лагерь сегодня уже не представляет угрозы миру. Со всем их стремлением к войне и разрушению русские уже не способны серьезно угрожать миру в Европе. Поэтому их вполне спокойно можно предоставить самим себе. Единственно, чему следует противостоять, так это тенденции с нашей стороны поддерживать или содействовать деструкционистской политике Советов», – заканчивает Людвиг фон Мизес.

В России расходы на научные исследования, в процентах от ВВП, в разы меньше, чем в Китае, Израиле и Южной Корее. Проблеме преобразований в академическом секторе фундаментальных научных исследований было посвящено заседание Совета при президенте России по науке и образованию, состоявшееся 8 декабря 2014 года в Санкт-Петербурге. На этом заседании В.В. Путин прежде всего отметил, что и культура, и, конечно, наука, на протяжении столетий являются символом национального успеха, гордости, да и, можно сказать, величия России. И сейчас очень важно не просто сохранять, но и преумножать наши достижения. Сегодня мы поговорим о дальнейшем развитии отечественной академической науки, о тех задачах, которые поставлены перед исследовательскими коллективами в Послании Федеральному Собранию.

Более года назад были начаты преобразования в системе Российской академии наук. Мы прежде всего исходили из того, что России нужна сильная, конкурентоспособная наука, которая может задавать новые направления научной мысли, обеспечивать технологическую независимость и суверенитет страны, работать на повышение качества жизни людей.

Именно поэтому были предприняты меры по укреплению исследовательской инфраструктуры, по созданию для наших учёных, научных коллективов современных, конкурентных условий для работы. Объединены интеллектуальные, кадровые, материальные ресурсы наших ведущих академий – Российской академии наук, медицинской и сельхознаук.

Далее президент Путин замечает, что Россия столкнулась с определёнными вызовами, не буду сейчас об этом говорить. Это касается и сотрудничества по различным направлениям, к которым вы имеете прямое отношение, имею в виду ограничения, связанные с передачей нам современных технологий.

Это не очень хорошо, но в чём-то это может быть нам на руку. Потому что если легче было что-то купить, то сейчас нужно будет вложить определённые средства, чтобы создать самим. Понятно, что это

процесс непростой, можно сказать, сложный, но тем не менее в существующих обстоятельствах есть и очевидный плюс. Россия получила мощный импульс к научному и технологическому развитию.

Далее В.В. Путин подчеркивает, что «в любой науке, особенно фундаментальной, многое зависит от конкретного исследователя, от коллектива исследователей. Научный поиск зачастую может приводить к самым невероятным открытиям.

Конечно, вы лучше меня знаете, что в истории науки такое происходило не раз. Вместе с тем следует исходить не только из возможностей и интересов конкретных учёных и конкретных учреждений, институтов. Не только из того, что мы умеем делать сегодня, но и из тех вызовов, с которыми наша страна столкнётся в будущем, в перспективе нескольких десятилетий.

Важнейшим направлением деятельности академических институтов должны стать междисциплинарные исследования, базисные возможности для этого созданы. Теперь нужно провести необходимые структурные изменения среди научных институтов, и главное здесь – не допустить механического слияния.

Принципиально важно сохранить эффективные, дееспособные научные коллективы. Нужно очень бережно относиться к тому, что выстраивалось годами. Необходимо внимательно отнестись к предложениям самих научных организаций, определить единые подходы к преобразованиям, в том числе расширить участие РАН в принятии решений по вопросам научной деятельности институтов».

В заключение президент Путин подчеркнул, что реструктуризация отечественной науки объективно назрела, да она, собственно говоря, и идёт. Поэтому нельзя откладывать назревшие решения на потом. Надо объединять интеллектуальные ресурсы и научную инфраструктуру, укреплять взаимодействие учёных на стыке отдельных дисциплин, где рождаются прорывные разработки и открытия.

Уже сейчас рождаются технологии, которые изменят мир, сам характер экономики, образ жизни миллионов, если не миллиардов людей. Через 3–4–5 лет они выйдут на мировой рынок, а к 2030 году станут повседневностью, как сегодняшние компьютерные технологии. И мы должны быть лидерами в этих процессах. Не потребителями или не только потребителями, а глобальными поставщиками продукции нового технологического уклада.

В Послании Федеральному Собранию было объявлено о запуске Национальной технологической инициативы. Она должна объединить наших учёных, ведущие вузы, научные центры, проектные команды, наших соотечественников, которые работают в высокотехнологичных отраслях за рубежом.

В последующем выступлении советника президента А.А. Фурсенко, было сказано о проблемах, которые возникают «зачастую из-за непоследовательности в реализации заложенных законом возможностей и последовавших за этим решений Правительства. То есть очень многие вещи, которые в принципе возможны, на сегодняшний день затягиваются. Я приведу несколько примеров.

Первое. Одной из очень важных проблем закрепления молодёжи в науке является обеспечение их жильём. В своё время были приняты решения, под эти решения были выделены деньги. Были проблемы, однако достаточно большое количество жилья либо построено, либо заканчивается строительство. Сфера имущественных отношений между федеральным органом исполнительной власти и федеральным государственным учреждением полностью законодательно урегулирована, там нет никаких законодательных проблем.

Для ФАНО России и для РАН, не связанных подведомственностью, передача имущества осуществляется не напрямую, а через Росимущество, по установленным Росимуществом процедурам. Это всем известно. Если я не ошибаюсь, примерно полгода идёт подготовка этих документов, до сих пор эти документы в полной мере не оформлены. И это означает, что готовые квартиры не могут быть переданы молодым учёным, которые эти квартиры давно ждут. Надо просто задействовать эти процедуры.

Второй пример. В прошлом году в Послании Президента была поставлена задача корректировки перечня приоритетных направлений науки, технологий, техники и перечня критических технологий в Российской Федерации. Этот вопрос, коллеги, мы неоднократно поднимали, обсуждали на нашем Совете. Сегодня предложен перечень, он пришёл к нам в Администрацию.

Он, с одной стороны, не учитывает в полной мере новые реалии и ориентирует учёных на продолжение тех же работ, которые они ведут все последние годы. Кроме того, в этом перечне

перечислены все направления, в которых ведутся или планируются к проведению исследования, то есть практически перечислены все те работы, которые сегодня находятся «на столе».

Третий вопрос. Организация экспертизы, несмотря на провозглашение вневедомственного подхода, такой на настоящий момент в полной мере не стала. Сегодня в рамках реформы академического сектора науки создана правовая основа для осуществления Российской академией наук экспертных функций.

О качестве проведённых фундаментальных исследований в первую очередь должно судить академическое сообщество. И Российская академия наук представляет это академическое сообщество. В этом смысле оценка эффективности научных организаций независимо от их ведомственной принадлежности должна проводиться Российской академией наук. В этой связи я хочу сказать, что вообще требование о том, чтобы Академия занималась экспертизой, повышает требования не только к сотрудникам, аппарату Академии наук, но и к членам Академии наук, на которых экспертиза в значительной степени должна быть возложена».

Выступавший следующим президент РАН В.Е. Фортов подчеркнул, что начальный начальный, годичный этап реформ прописан в законе достаточно конкретно – со сроками, задачами, этапами. А вот последующий этап, к которому мы сейчас только приступаем, отражён в законе неконкретно, мутно, и поэтому нуждается в дополнительном юридическом обеспечении.

В качестве примера эффективной и дружной работы РАН и ФАНО я бы привёл работу по конкретным научным программам президиума. Они в научном плане формировались и управляются РАН, а финансируются ФАНО. По этой найденной нами оптимальной схеме взаимодействия Академии и ФАНО сегодня эффективно работают 42 научные программы и 30 программ отделений, которые покрывают фактически весь спектр современной науки. В этих работах занято около 10 тысяч учёных из 450 институтов.

Кроме того, в этой связке РАН – ФАНО недавно заработали четыре новые отдельные научные программы, которые были сформированы в соответствии с Вашими недавними приоритетами. Это Арктика, медицинские науки, математическое моделирование и оборонные исследования. Совместную работу по программам мы считаем хорошим примером для дальнейшего. Такого рода совместные проекты, по мнению учёных, надо всячески поддерживать и развивать. Это пример бесконфликтной и эффективной работы. Александр I в своё время говорил: «Когда я вижу в саду пробитую тропу, я говорю садовнику: делай тут дорогу». Это естественный процесс, который сейчас может быть расширен.

Далее В.Е. Фортов отмечает, что особое внимание РАН уделяет импортозамещению и приоритетам, складывающимся в новых политических и экономических условиях. Поэтому мы заметно усилили оборонные исследования. Здесь успешно заработала новая форма сотрудничества путём организации виртуальных, совместных с Минобороны научно-технических центров и лабораторий. Мы также ввели отдельную должность вице-президента в нашей структуре по оборонной тематике.

Проблема, которая стала притчей во языцех, – это лавинообразное увеличение бюрократии, бумаготворчества и формализма. Мы помним, что одним из базисных лозунгов реформы было: «Освободим учёных от несвойственных для них функций, пусть они занимаются своим прямым делом – наукой, административную нагрузку возьмут на себя управленцы, тем более что в ФАНО собраны квалифицированные менеджеры и руководитель ФАНО является очень активным и понимающим дело специалистом».

Сейчас этот благой тезис на практике явно не срабатывает. В четыре-пять раз возросло количество запросов, инструкций, совещаний в виде научной переписки. Она обрушилась на учёных как лавина, не оставляя времени для творческой работы, убивая инициативу, выталкивая молодёжь из науки и в конечном счёте подрывая нашу конкурентоспособность.

В заключение В.Е. Фортов отметил, что самое главное то, что непростой год трудных, болезненных преобразований показал один врождённый дефект закона о реформе и других сопряжённых с этим законом документов – это отсутствие чёткого законодательного разделения полномочий между Академией и ФАНО. Главной целью реформ является, как мы помним, ясный и короткий тезис о том, что РАН отвечает за науку, а ФАНО – за финансово-хозяйственное обеспечение научной работы.

Этот бесспорный тезис неоднократно озвучивался Президентом, и он приветствуется учёными. С ним, казалось бы, все согласны. И это естественно, каждый должен заниматься своим делом и там, где он

компетентен. На практике же граница компетенций между Академией и ФАНО законодательно, увы, не установлена, поэтому сильно размыта и легко деформируется.

В результате у нас в науке сложилась юмористическая ситуация, когда центр компетенции находится в одном месте – в Академии наук, а центр управления – в другом, в ФАНО. Такой дуализм, как следует из теории управления, ведёт к неустойчивости и в результате – к аварии. В нашем случае авария – это когда Академия превратится в клуб учёных, а ФАНО – в ещё одну параллельную академию наук.

В.Е. Фортов убеждён, что сейчас крайне необходимо этот сюрреализм ликвидировать.

Как отметил в своем выступлении Михаил Ковальчук, «построена узкоспециализированная система науки и образования, и на ее основе уникальная цивилизация, но при этом мы пришли в космологический тупик.

Теперь вопрос в чём? Мы сегодня разбирали природу и шли по пути анализа. Но фактически мы с вами имеем в руках коробку с пазлами. И эти пазлы – это узкие дисциплины, в которых мы достигли глубинного понимания.

Сегодня парадигма науки изменяется, мы можем начать противоположный процесс: из этих отдельных дисциплин складывать единый образ неделимой природы – и фактически перейдём на новый технологический уклад. Но для этого нужна междисциплинарность. Это сегодня стало понятно всем, это изменение парадигмы. Но вопрос заключается в том, кто сможет это сделать. Сегодня вся система организации науки и образования в мире против междисциплинарных исследований.

Мы упускаем время и упускаем будущее страны, если будем топтаться и решать формальные проблемы. Мне кажется, что ключевой вопрос – фиксация в нашей стране принципиально новой, самой передовой, ориентированной на будущие прорывы междисциплинарной системы организации науки и образования».

Академик Евгений Садовничий сообщил, что «было проведено недавно крупнейшее социологическое исследование настроения коллектива Московского университета. Опрошено было 6 тысяч студентов, 1000 аспирантов, несколько тысяч преподавателей, профессоров. Приведу только цифру, касающуюся темы заседания.

У нас огромная аспирантура, не только в России, не только в МГУ, но и в других университетах, и в Академии. Только 15 процентов аспирантов желают сейчас заниматься наукой, хотя раньше аспирантура была по определению кузницей кадров. Причины они называют разные: мотивация, зарплата, востребованность и так далее. Мне кажется, это есть главное, чтобы молодые люди, которые ещё очень многое могут сделать в науке, целью своей ставили заниматься наукой и её приложениями. Если мы добьёмся, что не 15, а 75 процентов аспирантов будут по окончании учёбы хотеть работать в науке, это и будет означать, что наша цель достигнута.

Как мы можем улучшить ситуацию? Предлагаю более активную интеграцию университетов и Академии наук. Не МГУ, конечно, жаловаться, у нас работают 300 академиков и членов-корреспондентов всех наук. У нас есть два факультета, сделанных совместно с наукоградами: один факультет в Черноголовке, декан вице-президент Алдошин, второй факультет в Пущино, биологический, декан академик Мирошников, – то есть у нас есть конкретные факультеты: наукоград и Академия наук.

Но всё-таки надо честно признаться, мы не смогли преодолеть барьер. Одни живут по одним законам, другие по другим. Такой полной эффективности нашего сотрудничества, я говорю сейчас откровенно, думаю, что нет. Нам надо добиться большего, чтобы Академия наук и наши университеты, в том числе и университеты в регионах, были более или менее единым целым», – заканчивает Евгений Садовничий.

Оценивая итоги заседания Совета по науке и образованию, проф. Андрей Цатурян отмечает, что, конечно, «академическое сообщество сильно было взбудоражено. И значительную часть этого года, начиная с лета, когда эта реформа была объявлена, огромное количество людей протестовали, выражали недоумение по поводу этой реформы. Вся эта острота спала, потому что примерно год назад был объявлен мораторий на отчуждение имущества Академии наук и на кадровые перестановки. Сегодня, насколько я знаю, еще на год был продлен мораторий в той части, которая касается имущества учреждений Академии наук.

Однако сейчас начнется смена директоров. Тем более что, по-видимому, будет введен новый возрастной ценз для руководителей академических институтов. И очень многим, может быть,

большинству нынешних директоров академических институтов придется оставить свой пост. Уже это не очень способствует нормальной работе – люди нервничают. Тем более уже начались слияния академических институтов. Короче говоря, у научных сотрудников несколько взвинченное, нервное отношение к этому всему. Хотя их не сокращают, пока ничего не происходит, но предчувствие каких-то неприятностей, конечно, в научной среде сильное».

Говоря об «оттоке умов», Андрей Цатурян уточняет, что «отток заметный. И что самое неприятное – несколько молодых людей, которых я знаю, которые несколько лет назад защитились и вполне успешно работали в России, в этом году засобирались за границу. Я знаю пару таких людей. Но это веяние буквально этого года»

Отвечая на вопрос, почему покидают родину самые перспективные ученые, доктор физико-математических наук Анатолий Вершик говорит: «Это огромный вопрос. И тут много фарисейства. Называют это braindrain. То, что произошло в Советском Союзе, не укладывается в термин braindrain, который типичен для Запада и для многих стран на Востоке. Я не собираюсь сейчас анализировать причины этого. Кстати, сейчас уже как-то забывается, что волна еврейской, условно, эмиграции 70–80-х годов затронула науку очень сильно. Уехали многие очень крупные ученые, такие как Громов, Каждан, Азбель и многие другие. Разрешение на свободу выезда в конце 80-х и 90-х превратило это в поток, который, то увеличиваясь, то немножко сокращаясь, продолжается и сейчас.

И моя главная претензия к власти уже последних лет в том, что можно было наладить не только диалог, но и взаимодействие с огромной научной диаспорой, которая, кстати, в области математики и теоретической физики очень сильно подвинула состояние дел в западных странах. И только Россия не получила от этого никакой выгоды. Потому что чиновники до сих пор на уехавших смотрят сквозь, так сказать, привычки, которые были в Советском Союзе».

Продолжая дискуссию, академик Юрий Рыжов считает, что «жесткой грани между прикладной и фундаментальной наукой нет, они всегда соприкасались. Ну, так сложилось, что я работал на научное, а кроме того, и на кадровое обеспечение так называемого военно-промышленного комплекса. Некоторые до сих пор считают, что в этом питаемом огромными деньгами в советское время военно-промышленном комплексе, в его науке, в конструкторских бюро созданы колоссальные заделы, которые стоило бы пустить в жизнь. Я всегда спорил по этому вопросу с Евгением Григорьевичем Ясиным еще в 90-х годах. Я-то знал, что относительные расходы на НИОКР, даже в "оборонке", где-то уже с начала 70-х годов стали падать. Потому что власть (которая у нас всегда простенькая по уму) решила: есть бомбы, есть трансконтинентальные ракеты-носители, значит, побольше наклепать бомб, ракет, ну, на всякий случай танков, если нужно будет дойти до Атлантики через Европу, – и дело в шляпе. А сама прикладная, а также каком-то смысле академическая наука деградировала».

Далее Юрий Рыжов отмечает, что «у нас власть не просто тоталитарная, а она чекистская. Но сначала, когда сажали ученых, – а многие и сейчас сидят, к сожалению, – другие отбыли фантастические сроки. Так вот, тогда "органы" пытались оправдать свое существование – искали врагов, предателей родины, шпионов и так далее. Сегодня они переменяли тактику. Они вменяют людям, которые им неудобны, даже на самых высоких постах, кстати, атомной науки, экономические преступления. И в результате власть нарушает свои собственные законы. Если тебя обвиняют по экономическим преступлениям, пусть облыжно, по сегодняшним законам человек не должен сидеть в СИЗО. А человек, который возглавляет второй по значимости научно-исследовательских институт в атомной отрасли, сидит год в СИЗО якобы по экономическим преступлениям. Я обращался к Элле Памфиловой, она тоже пыталась бороться. Но человек сидит без предъявления реальных обвинений, без следственных действий целый год. Доктор физмат наук, генеральный директор Физико-энергетического института атомной промышленности – а это второй по значимости после "Курчатника" научно-исследовательский институт.

И тут говорилось о том, что якобы какая-то отложенная казнь для имущества Академии наук и так далее. Она не отложена. Огромное количество материальной базы – зданий, сооружений, помещений – уже отобрано ФАНО и заселено огромным количеством его чиновников. Например, в здании нового президиума Академии наук около площади Гагарина, в помещениях, которые отводились разным, часто абсолютно бесполезным органам Академии наук... Я больше 10 лет возглавляю Научный совет Академии наук по истории мировой науки. Его уже выселили. Я возглавлял Пагуошский комитет,

который размещался на Вавилова. Тоже опломбировали и забрали. Поэтому грабёж собственности идет абсолютно в открытую».

Академик Юрий Рыжов очень сочувствует «своему хорошему товарищу, соавтору по научным работам, в частности по комете Галлея, Владимиру Евгеньевичу Фортову. Потому что когда он выставил свою кандидатуру на пост президента нашей академии, он дал очень исчерпывающий документ по анализу того, что есть, что надо делать, как надо реформировать Академию наук и науку вообще, в основном, конечно, фундаментальную. А два конкурента – Жорес Иванович Алферов и академик Некипелов – выступили попроще. Фортов дал анализ и показал, что, конечно, нужно реформировать академию. Но его "подрезали" сразу этой реформой академии. Я его очень уважаю, как колоссального ученого, как сильную личность. Но мне жалко людей, которые сгорают в пожаре, в котором уже сгорела Академия наук, и не как административный орган, а как система институтов. Потому что академия – это не президиум и члены президиума, не главы чего-то, – это исследовательские институты академии».

Анатолий Вершик, однако, полон все-таки оптимизма, ибо, «прежде всего, настоящий ученый в любых условиях, как бы его ни давили, ни ограничивали, всегда будет заниматься своей наукой. И этого у него никто не может отнять. Ну, правда, если это связано с экспериментом, тогда, конечно, возникают проблемы. Я возмущаюсь тем, что происходит в стране, как чиновничество, можно сказать, грабит науку. Но в этой ситуации всегда у всех ученых есть возможность замкнуться, как говорят, в своей "песочнице". И это, с одной стороны, естественно, потому что наука все равно продолжается и не умрет, даже если ФАНО загонит институты куда-нибудь на Северный полюс.

Но пессимизм мой состоит в том, что мало кто понимает, что исправление положения с наукой очень сильно коррелируется с исправлением общего положения в стране. Страна сейчас действительно переживает очень опасный период. Она не поняла еще по-настоящему, что произошло в XX веке. Как сказал Солженицын: почему Россия проиграла XX век? Я очень боюсь, что она начинает проигрывать и XXI век».

ФАНО представило, наконец, приказ о создании Научно-координационного Совета (НКС). По мнению д.т.н. Александра Фрадкова, профессора СПбГУ, «ФАНО надеется использовать НКС как противовес Президиуму РАН. Это объясняет многое. Теперь у Котюкова при принятии крупных решений есть выбор: получать одобрение ПРАН или НКС. То есть теперь у ФАНО есть свой карманный президиум. Собственно, для научных сотрудников мало что изменилось. Наше с вами мнение, коллеги, никто учитывать не собирался и не собирается.

И наконец, бросается в глаза, что в приказе упоминаются «академики» (чего?) и «члены-корреспонденты» (чего?), а не «академики РАН» и «члены-корреспонденты РАН». «Академики» – еще ладно, но «член-корреспондент» неизвестно чего даже звучит издевательски, не говоря уже о том, что негоже в официальном документе употреблять неофициальные, жаргонные слова. Думается, что это больше чем очередная безграмотность в документах ФАНО. Это – нескрываемое желание ФАНО разрушить всё, что связано с существующими структурами РАН, даже само упоминание о РАН».

Первое впечатление от создания НКС у проф. Александра Фрадкова – гнетущее, ибо НКС – «декоративный орган, без реальных полномочий, составленный почти на 90% из академиков и директоров. Если считать не долю академиков и членкоров (39 человек) и не долю директоров (28 человек), а долю не академиков и не директоров, то таковых всего пятеро: Анохин, Буровкова, Королев, Салюк, Стегайлов. Остальные 40, включая секретаря НКС Степанову из ФАНО, – как справедливо было замечено в рассылке СКИ, люди, более приближенные к власти, а значит, более зависимые от нее».

Я неоднократно писал о губительности для ученых оценки их работы по результатам их цитируемости и индексу Хирша, особенно для ученых в технических науках. Об этом же я говорил на форуме «Открытые инновации – 2014», в том числе в процессе дискуссии с главой Минобрнауки Ливановым.

Академик В.Г. Бондур и профессор МГУ В.С. Тикунов придерживаются аналогичного мнения, отмечая, что в «последние годы от российского научного сообщества все настойчивее требуется организация деятельности и оценка ее успешности по правилам западного научного мира с использованием различных наукометрических показателей. При этом в качестве основных критериев оценки деятельности ученых стали использоваться такие библиометрические параметры, как индексы цитирования (количество цитирований) и индексы Хирша (показатель числа статей автора, цитируемых

соответствующее или большее число раз), а для журналов, в которых публикуются ученые, – импакт-факторы (средняя частота цитирования всех статей журнала)».

Они, в частности, отмечают, что «любой ученый знает о трудоемкости написания книг, учебников и их значимости для науки и образования. Однако их вес по сравнению со статьями в рейтинговых журналах неоправданно мал. Почему публикация, например, на самом распространенном в мире языке – китайском – не может сравниться с публикацией на английском? Претензия на роль одного языка, подобно некоторой универсальной научной латыни, совсем не бесспорна. Даже в обиходной жизни попробуйте перевести рецепты французской кухни или разнообразие названий риса с китайского на английский – не получится. То же самое происходит и в науке. Потеря языка – потеря части культуры. И это относится не только к гуманитарным, но и ко всем естественным наукам.

Преимущественное использование лишь одного английского языка призвано, прежде всего и раньше всего, информировать ученых Запада о новых научных результатах. Это отдает им приоритет как в более быстром получении новых знаний, так и в конкурентных соревнованиях за гранты. Обязательность перевода на английский основных положений проектов, например Российского научного фонда, по-видимому, предусматривает их оценку англоговорящими экспертами, которые через механизмы финансирования и будут определять, что же развивать, а что нет в российской науке. Почему приоритетность отраслей знания и их соотношение в рейтинговых системах определяется узкой группой людей, принадлежащих только к одной из мировых культур и часто принадлежащих к одной научной школе?

Следует отметить также, что при определении таких наукометрических показателей, как индексы цитирования и индексы Хирша, в нашей стране приоритет отводится западным коммерческим системам Web of Science и Scopus. В этих частных базах данных российских журналов крайне мало. Поэтому и значение индексов цитирования и индексов Хирша, взятые из этих систем, для подавляющего большинства российских ученых значительно ниже, чем в базе данных РИНЦ или в открытой базе Google Scholar. К тому же для получения доступа, например, в базу Web of Science организациям необходимо ежегодно платить около одного миллиона рублей, что не всегда целесообразно».

Сегодня я получил письмо от Минобрнауки, в котором мне сообщают, что мои замечания и пожелания в этой области будут учтены при подготовке документов и в практической работе.

Хотелось бы верить в реальность этого.